

И ПОЧЕМУ ТАК НЕ МОГУТ В БОЛЬШОМ?

Оркестр в музыкальном театре есть по определению не столько творческая, сколько производственно-аккомпанирующая единица. Оркестр Мариинского театра, ведомый Валерием Гергиевым, в этом плане явление уникальное: для него не составляет труда в ходе труднейших гастролей перебраться из ямы на сцену и сыграть концерт в качестве полноценного симфонического, заставляя восторгаться переполненный Большой зал. Будто сутки назад те же люди не играли (и как!) одну из самых длинных опер — 5-часового “Парсифаля” Вагнера; будто на следующий день не за-

рывались гастроли “Огненным ангелом”. Впрочем, к череде музыкантских “вызовов” из Питера, которая в этом сезоне началась сольным концертом примы Мариинского Ольги Бородиной (тогда Ольга, будучи простуженной, дала одну из самых ошеломляющих трактовок Чайковского и Мусоргского), нам не привыкать.

Начать концерт “сладким блюдом” — редко исполняемой сюитой из “Чудесного Мандарина” Бартока, при том, что далее заявлен многожды игранный Брамс и не особо неведомый “русский” Стравинский — тоже своего рода вызов. Однако публика, по крайней мере

слышавшая о том, что в эти дни происходило на сцене Большого театра, в массе своей уже ничему не удивлялась. Вторая симфония Брамса поразила неожиданностью и убедительностью трактовки, в которой не было и следа от традиционной “браминской размазни”. Четкая, кристаллически выстроенная структура первой части определила направленность формы, а “театр тембров” в постановке Гергиева придал содержанию симфонии почти берлиозовскую яркость. В музыке к “Жар-птице” Стравинского потребовался обратный ход — от театральности к симфонической абстракции. Надо полагать, Гергиев знаком с трактовками Мравинского и Шолти, успешно превращавшими этот балет в программную симфонию. В чем-то он продолжает традицию — но лишь настолько, насколько мастера высшего порядка могут быть признаны подобными друг другу. Здесь звучание Мариинского оркестра (на Западе все еще известного как Kirov Orchestra — пора бы вернуть марку *на место*) дирижер также выстроил “на французский манер”. В конце концов что могло помешать после “Брамса а la Берлиоз” исполнить Стравинского в “одежиях” Оливье Мессиана? И почему бы не запустить вдогонку “Бабу-Ягу” Лядова — сочинение, миниатюрные размеры которого обратно пропорциональны требуемому уровню взаимодействия музыкантов внутри оркестра?

Почему-почему Не лучше ли задаться иным вопросом: почему все происшедшее невозможно представить в отношении оркестра Большого театра во главе с австрийско-подданным Петером Феранецом на филармонической сцене питерского Дворянского собрания? Ей-богу, ответ искать недолго, а вывод, несложный и единственно правильный, надеемся, не заставит себя долго ждать после возвращения труппы Большого в Москву.

1998 - 1999
4 сентября - 6